

Симптом и свидетельство: феминизм как разновидность психоанализа

Елена Вивич

Елена Вивич. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ), Москва, Россия, evivich@hse.ru.

Около шестидесяти лет феминизм находится в сложных отношениях с психоанализом. С одной стороны, психоанализ затрагивает важные для феминизма темы, многие из которых могли бы быть переосмыслены с помощью феминистской теории. С другой стороны, содержательные противоречия между феминизмом и психоанализом мешают их продуктивному объединению. В статье выдвигается предположение, что проблемы, с которыми сталкивается проект феминистского психоанализа, возникают не столько из-за различий, сколько из-за сходств обоих дискурсов. Феминистская оптика структурно воспроизводит базовые идеи психоанализа. Устройство общества в феминизме понимается по аналогии с психоаналитическим бессознательным. Феминистский дискурс направлен на то, чтобы «захватывать» симптом и предложить ему интерпретацию. При этом интерпретационный аппарат феминизма отличается от психоаналитической теории тем, что основан на внутренне связанной системе прескрипций. Политическая вовлеченность в феминизме достигается постольку, поскольку симптом успешно интерпретируется через нее. Таким образом, индивидуальные случаи понимаются по аналогии с «сознательным» в психоанализе, а система прескриптивов — по аналогии с «бессознательным», благодаря чему формируется «коллективный» субъект действия. Психоанализ и феминизм находят причины симптома в разных, непересекающихся, областях, что и порождает конфликт между ними.

Ключевые слова: *феминизм; психоанализ; симптом; вовлеченность; прескриптивность.*

НА ПРОТЯЖЕНИИ второй половины XX века психоанализ находился с феминизмом в сложных отношениях. Вторая волна феминизма началась с неприязни к психоанализу: в 1999 году Джулиет Митчелл вспоминает, что «фотографию Фрейда наверняка можно было бы найти прищипленной к доске для дартса, с дротиком в глазу»¹. С точки зрения феминизма психоанализ, ведущий речь о «комплексе кастрации»², «зависти к пенису», «женском мазохизме»³, с посвященными фаллосу трактатами и лаканианским утверждением о том, что «женщины не существует»⁴, выглядел достаточно мизогинно. В 1970-х годах появляются первые предложения пересмотреть взгляды на психоанализ: начало разработок в области феминистского психоанализа связывают, в частности, с выходом в 1975 году книги Джулиет Митчелл «Феминизм и психоанализ»⁵. Феминистки задаются вопросом, нельзя ли объяснить устойчивость патриархальных социальных структур наличием скрытых психических процессов, поддерживающих и воспроизводящих эти структуры. Не оканчивается ли патриархат интернализован, не становится ли женская угнетенная позиция частью собственного «я»? Учение Фрейда может быть полезно тем, что выявляет эти психические процессы⁶. Психоанализ затрагивает вопросы сексуальности, семьи и указывает на значение материнской фигуры в становлении личности — пусть и не развивает эту идею должным образом. Кроме того, лаканианский психоанализ утверждает сконструированность понятий «женского» и «мужского», что в определенных аспектах совпадает с феминистской критикой⁷.

Расцвет феминистских психоаналитических теорий пришелся на 1980-е годы. Считается, что он примыкал к ла-

1. Mitchell J. Feminism and Psychoanalysis at the Millenium//Women: A Cultural Review. 1999. Vol. 10. № 2. P. 185.

2. Luepnitz D. Beyond the Phallus: Lacan and Feminism//The Cambridge Companion to Lacan/Rabate J.-M. (ed.). N.Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 228.

3. Ibid. P. 221.

4. Ibid. P. 231. См. также: Жеребкина И. Роман с истерией: от феминистского постлакановского психоанализа к новым исследованиям истерии// Stasis. 2022. Т. 12. № 1.

5. Luepnitz D. Op. cit. P. 221.

6. Mitchell J. Op. cit. P. 286.

7. См. в: Luepnitz D. Op. cit. P. 221-237; Mitchell J. Op. cit. P. 186-191.

канианскому направлению в психоанализе⁸. Основной задачей этого проекта был поиск «женской» перспективы, специальной теории «женской» психики и альтернативы психоаналитическому «фаллоцентризму». Необходимо было, прежде всего, справиться с теми особенностями психоанализа, которые понимались как поддерживающие патриархат и легитимирующие угнетение женщин⁹. Именно на это были нацелены теоретические разработки Люс Иригарей, Юлии Кристевой, Элен Сиксу и Катрин Клеман¹⁰.

К 1990-м годам интерес к феминистскому психоанализу несколько угас. Митчелл отмечает, что феминистский психоанализ «натурализовался» и «дерадикализовался»: в том числе под влиянием квир-теории в нем стали обнаруживать «нечто консервативное»¹¹. С другой стороны, вслед за этим в самом феминизме появилась критика постструктуралистских и постмодернистских течений, включая квир-теорию. Авторки 1990-х годов критиковали эти направления за чрезмерное увлечение вопросами языка и репрезентаций, в ущерб «проблемам реальных женщин». В итоге к концу 1990-х годов на фоне попыток снова радикализовать феминистскую теорию интерес к психоанализу вспыхнул вновь¹². Уже в упомянутом эссе Джулиет Митчелл психоанализ представлен как способ снова обратиться к «реальным проблемам» семейной и повседневной жизни женщин, снова политизировать «частное»¹³.

В XXI веке, как пишет Ирина Жеребкина, «развивается своеобразная ностальгия по 80-м годам прошлого века», и мысли о возрождении феминистского психоанализа высказываются все чаще¹⁴. Подходы 1980-х годов кажутся устаревшими; объединение психоанализа и феминизма рассматривается как актуальная задача, которую нужно решить новым способом. Дебора Люпниц пишет, что феминизм и психоанализ нуждаются друг в друге: «Без психоанализа феминизм рискует редуцироваться к чисто материалистическому представлению о женщине или же довольствоваться очень ограниченными представлениями о фантазии, сек-

8. Жеребкина И. Роман с истерией: от феминистского постлакановского психоанализа к новым исследованиям истерии// *Stasis*. 2022. Т. 12. № 1. С. 18.

9. Mitchell J. *Op. cit.* P. 190.

10. Жеребкина И. Указ. соч. С. 19.

11. Mitchell J. *Op. cit.* P. 187–188.

12. Жеребкина И. Указ. соч. С. 17.

13. Mitchell J. *Op. cit.* P. 188.

14. Жеребкина И. Указ. соч. С. 17–18.

суальности и субъективности. Без феминизма психоанализ рискует быть использованным для усиления того, что сам Фрейд называл „нормальной“ мизогинией»¹⁵. Тем не менее противоречия между психоанализом и феминизмом остаются не преодолены.

Дмитрий Герчиков и Алиса Ройдман в статье «Непримиримость и обмен знанием между психоанализом и феминизмом» описывают результаты интервьюирования лаканианских психоаналитиков из российского сообщества и приходят к выводу, что «почти столетний конфликт психоанализа и феминизма переживает новую стадию»¹⁶. Несмотря на преимущественно положительное отношение к феминизму, опрошенные ими аналитики не обращаются к феминистскому психоанализу и говорят, что с трудом могли бы применить на своих сеансах феминистскую оптику¹⁷. Опрошенные подтверждают, что взгляд психоаналитика с точки зрения феминизма представляет собой «мужской взгляд», в психоанализе присутствуют элементы мизогинии и психоанализ не оставляет места политической борьбе¹⁸.

Характерно то, что в фокусе внимания обычно оказываются только содержательные расхождения психоанализа и феминизма, которые и пытается преодолеть феминистский психоанализ. Например, необходимость избавиться от «фаллоса» заставляет искать другие метафоры: в качестве альтернативы, акцент можно сделать на «груди», «вагине» или «матке»¹⁹. Альтернативой «мужскому наслаждению» должно стать «женское наслаждение»²⁰. Кроме того, необходимо изменить модальность многих высказываний психоанализа, звучащих пренебрежительно или мизогинно: например, интерпретировать истерию как достойный восхищения бунт против патриархата²¹.

Однако исследование Герчикова и Ройдман позволяет предположить, что главная проблема кроется не в содержании, а в том, как в принципе устроены психоаналитический и феминистский дискурсы, почему психоанализ

15. Luepnitz D. Op. cit. P. 235.

16. Герчиков Д., Ройдман А. Непримиримость и обмен знанием между психоанализом и феминизмом // Stasis. 2022. Т. 12. № 1. С. 224.

17. Там же.

18. Там же. С. 220, 225.

19. Luepnitz D. Op. cit. P. 223.

20. Ibid. P. 228.

21. Жеребкина И. Указ. соч. С. 22.

каким-то образом сопротивляется политизации. Большинство психоаналитиков не могут одновременно занимать позицию аналитика и смотреть на мир через «очки» феминизма. В различных дискуссиях психоанализ и феминизм выглядят то как близкие и способные друг друга обогатить дискурсы, то как кардинально разные и взаимоисключающие. Я предполагаю, что причина таких колебаний заключается не в том, что феминизм каким-то образом «разоблачает» психоанализ и угрожает развенчать сущностно важную для него «позицию аналитика», а в том, что, напротив, феминизм слишком многое у психоанализа заимствует. Возможно, сосуществование французского феминизма второй волны в одном дискурсивном поле с лаканианским психоанализом и фрейдомарксизмом привело к тому, что феминистский теоретический аппарат, в своем классическом виде оформившийся примерно в этот период, оказался устроен похожим образом.

Сходство, о котором я говорю, — не содержательное, а структурное. Вместе с заложенными еще до 1960-х годов принципами устройства феминистского дискурса оно приводит к тому, что психоанализ и феминизм схожим образом находят решения схожих проблем, но решения эти лежат в разных плоскостях. Именно последний факт обостряет конфликт и мешает объединению психоанализа и феминизма. Точнее сформулировать первую и главную гипотезу этой статьи можно следующим образом:

1. Феминизм является разновидностью психоанализа.

Настоящая статья посвящена, скорее, убедительному обоснованию формулировки этой гипотезы, чем ее полноценному доказательству, которое требует более масштабного исследования. Чтобы показать, что выделенные мной дискурсивные особенности присущи любым феминистским текстам, в процессе аргументации я собираюсь использовать широкий спектр материалов: академические статьи феминисток, публичное интервью, материалы публичных дискуссионных площадок на платформе «ВКонтакте», публицистические статьи. К сожалению, не все материалы, которыми я располагаю, могут быть включены и проанализированы в формате статьи. Важным источником для меня также будет книга Френсис Грей «Юнг, Иригарей и индивидуация», в которой Грей пытается объединить перспективы Юнга и Люс Иригарей, отмечая множество важных

нюансов²². Кроме того, я принимаю во внимание собственный опыт симпатий к феминизму, хотя и не предполагаю ссылаться на этот опыт в процессе аргументации. Цель, которую я преследую, создавая такую разнообразную подборку, — выделить и предъявить некоторые инварианты высказываний, которые не зависят от контекста.

В первой части я условно разделю суждения на дескриптивные и прескриптивные и разберу основы собственного дискурсивного аппарата феминизма. Общая идея первой части в том, что дискурсивный аппарат феминизма основан на системе прескрипций определенного типа. Во второй части я выделю общие для феминизма и психоанализа структурные особенности. Я покажу, как сочетание этих особенностей с базовой системой прескрипций позволяет феминизму объединять «личное» и «политическое», производя мобилизацию. В третьей части я сравню феминизм и квир-теорию, что позволит мне собрать воедино представления о характерном лишь для феминизма «коллективном» субъекте действия, который оказывается противопоставлен «сингулярному» субъекту квир-теории. Наконец, в заключении я рассмотрю стратегии укрепления феминистского дискурса и разберу проект феминистской эпистемологии исходя из полученной ранее модели, а затем намечу пути для дальнейшего исследования этой темы.

Прескриптивные основы феминизма

Перед развернутой формулировкой основной гипотезы необходимо выдвинуть несколько предварительных тезисов. Для этого потребуются ввести условное разделение суждений на дескриптивные и прескриптивные²³. Под дескриптивными суждениями понимаются суждения, направленные на описание какого-либо положения дел. Например, реконструкция истории феминистских художественных течений в XX веке, произведенная Франческо Феррандо в статье «Феминистская генеалогия эстетики постчеловеческого в визуальных искусствах» состоит преимущественно из дескрипций. Феррандо описывает художественные течения,

22. Gray F. Jung, Irigaray, Individuation. Philosophy, Analytical Psychology, and the Question of the Feminine. N.Y.: Routledge, 2008.

23. Типов суждений можно выделить гораздо больше, но функциональную нагрузку в анализируемых мной текстах несет в основном именно это разделение.

пытается реконструировать исторический контекст, цитирует художниц, активисток и критиков. Задачей ее статьи является построение генеалогии феминистских художественных течений²⁴.

Определение прескриптивности было сформулировано в рамках направления универсального прескриптивизма в этике, родоначальником которого считают Ричарда Хэйра²⁵. Прескриптивные суждения — это предписания, которые часто принимают форму рекомендации или совета²⁶. Последним прескриптивы отличаются от прямых императивов — они не являются эксплицитными приказами совершать те или иные действия. Прескрипция всегда подразумевает обоснование предпочтительности того или иного варианта действия, исходя из набора каких-либо универсальных ценностей. Универсальные ценности, на которые ссылается прескрипция, определяют расстановку приоритетов. Таким образом, прескрипция утверждает некоторые состояния как предпочтительные по отношению к другим, из чего должна следовать необходимость совершить те или иные действия. Иными словами, — подразумевает набор оценочных и императивных суждений, прямо следующих из нее.

Как правило, прескрипции содержат в себе и дескриптивную часть тоже. Дескрипции могут использоваться для обоснования предпочтительности тех или иных выборов, утверждаемых прескриптивно. Но, в отличие от дескриптивных, прескриптивные суждения не могут быть истинными или ложными. С другой стороны, они могут быть успешными или неуспешными в зависимости от того, принят ли скрытый императив адресаткой²⁷. Прямыми прескриптивами являются, например, слова «должно» и «не должно»²⁸. Суждения с этими словами часто встречаются в манифестах, которые разбирает Феррандо. Например, в манифесте перформансистки ОРЛАН появляется предписывающее сужде-

24. Феррандо Ф. Феминистская генеалогия эстетики постчеловеческого в визуальных искусствах // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 123–161.

25. Hare R. M. The Language of Morals. L.: Oxford University Press, 1972.

26. Dahl N. O. A Prognosis for Universal Prescriptivism // Philosophical Studies. 1986. Vol. 51. P. 384.

27. Ibid. P. 385; см. также: Sen A. K. The Nature and Classes of Prescriptive Judgments // The Philosophical Quarterly. 1967. Vol. 17. № 66. P. 46–47.

28. Под прескриптивами я понимаю здесь лексические единицы, под прескрипциями — высказывания любого объема, содержащие эти единицы и связывающие их между собой.

ние: «Плотское искусство должно быть феминистским»²⁹, с которым можно согласиться или не согласиться, но которое не может быть истинным или ложным. То есть суждение раскладывается на «хорошо будет, если плотское искусство будет феминистским» (оценочная часть), и «сделайте плотское искусство феминистским» (императивная часть). Если адресатка согласна с оценочным суждением, она принимает соответствующий императив. Подразумевается, что в должных условиях она решит поступить согласно императиву. Предшествующая часть манифеста, цитируемая Феррандо, содержит аргументацию, обосновывающую эту прескрипцию: «Плотское искусство противостоит не самой эстетической хирургии, а стандартам, которые ее пронизывают...» и т. д.³⁰

Первый рабочий тезис, который в связи с этим я собираюсь выдвинуть, звучит следующим образом:

2.1. В основе феминистского дискурса лежит система прескриптивов.

Из этого следует, что:

2.2. Любой феминистский текст организован вокруг ряда базовых прескрипций.

Это значит, что все дескрипции, которые могут присутствовать в феминистском тексте, присутствуют там потому, что являются аргументативной базой по отношению к каким-то прескрипциям. Скажем, вышеупомянутый текст Феррандо не является просто обзором художественных работ, чужих высказываний и манифестов: существует некая прескрипция, собственный манифест, которому служит этот обзор. Это свойство феминистских текстов хорошо знакомо авторкам-феминисткам: редакторки *FEM TALKS* пишут, что «граница между феминистской теорией и активизмом расплывчата, если не иллюзорна»³¹. Указание на него часто тоже дается в прескриптивной форме: например, Амия Шринивасан в интервью журналу *Radical Philosophy* под названием «Какой должна быть феминистская теория?» одоб-

29. Феррандо Ф. Указ. соч. С. 148.

30. Там же. С. 148.

31. Денисова К., Красильникова А. Прекратить бег по кругу: феминистские авторки и переводчицы против андроцентризма // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 9.

рительно отзываясь о текстах, которые «не только проводят концептуальный анализ» каких-либо явлений, но предоставляют аргументы в пользу тех или иных действий по улучшению положения дел³². Мой тезис же заключается в том, что любые феминистские тексты в любом случае устроены подобным образом. При этом речь идет не только об академическом феминизме, но и о публицистике, текстах на дискуссионных площадках и даже о лентах новостей на феминистских порталах. Аналитические феминистские тексты, которые Шринивасан находит чересчур описательными, тоже не могут быть действительно отстранены от этики и являются в некотором роде частью активистской деятельности. То, за что выступает Шринивасан, — больше конкретики и эксплицитного выражения рекомендаций по определенным социальным вопросам, которые, действительно, в текстах могут отсутствовать.

В этой связи стоило бы разделять те прескрипции, которые являются эксплицитным предметом обсуждения для авторок феминистских текстов, и те прескрипции, которые структурно организуют это обсуждение. Феминистские тексты часто посвящены обсуждению тех или иных извлеченных из публичного поля прескрипций, а программные тексты — методологическим вопросам того же характера. Я же утверждаю, что прескриптивным является сам концептуальный аппарат, используемый феминистками, и их способ организации мысли, которые сохраняются вне зависимости от содержания текстов. Ключевой вопрос заключается в том, как отделить организующие дискурс прескрипции от прескрипций, являющихся предметом обсуждения.

Пролить свет на этот вопрос позволяет анализ одного из наиболее важных для феминизма понятий — понятия субъекта. Или, как формулирует его Френсис Грей: «что такое женщина?» и как возможна «женская перспектива», создать которую стремится феминизм³³. Внутри феминистской теории существует сложность: выделение женщин как класса предполагает наличие каких-либо общих свойств всех индивидов, попадающих в этот класс. Попытки сконструировать политического субъекта «женщина», который оказался бы полностью за пределами маскулинной перспективы, подразумевает выделение какой-либо социальной

32. *Srinivasan A.* What Should Feminist Theory Be? // *Radical Philosophy*. 2022. URL: <https://radicalphilosophy.com/interview/what-should-feminist-theory-be>.

33. *Gray F.* *Op. cit.* P. 129.

группы по общим признакам. Но утверждение о том, что всем женщинам присущи какие-либо общие качества, может вызвать упреки в «эссенциализме» и поддержке доминирующих представлений о фундаментальном различии мужчин и женщин. В частности, упреки в эссенциализме вызывает и психоанализ Люс Иригарей³⁴.

Грей защищает Иригарей, замечая, что авторки, рассуждающие об «эссенциализме», недостаточно хорошо поняли Аристотеля, на которого ссылаются, вводя этот термин. Эссенция у Аристотеля означала не какие-либо обязательные предикаты или «врожденные свойства» вещи, а ее первопричину. Причина, дающая начало вещи, ее «исток», не может быть набором качеств — «эссенция», скорее, оказывается близка понятиям «идеи», «задумки» вещи³⁵. Грей пишет, что авторки-феминистки, говоря об «эссенциализме», скорее, выступают против распространенных примеров употребления слов «женщина» и «феминность», которые не согласуются с фактами и их личным опытом. Иначе говоря, феминистки борются не с «эссенциализмом», а со «стереотипами»³⁶.

Грей пишет, что, как только мы начинаем спрашивать, о каких конкретно женщинах идет речь и кто именно является субъектом феминистских высказываний, то тут же сталкиваемся с тем, что класс «женщины» не подразумевает какой-либо однородности. Содержанием любого определения «женщины» для формирования группы «женщин» поэтому будут некоторые стереотипы, которые не обязаны точно описывать реальность. Неприменимость точных определений к конкретным случаям Грей считает функциональной особенностью языка как такового, с которой не нужно бороться³⁷. Те феминистки, которые борются со стереотипными определениями, в свою очередь, порождают собственные стереотипные определения, которые точно так же не способны описать опыт абсолютно всех женщин³⁸. Нет смысла спрашивать о *содержании* таких стереотипных понятий, как «женщина», пишет Грей. Эти понятия функциональны, и нужны лишь для того, чтобы посредством отсылок к стереотипам сформировать у читательниц более общее понятие социального класса³⁹.

34. Gray F. Op. cit. P. 132.

35. Ibid. P. 140.

36. Ibid. P. 143.

37. Ibid. P. 144.

38. Ibid. P. 145.

39. Ibid. P. 148.

Невозможность определить объем некоторых системообразующих понятий и эксплицировать содержание некоторых высказываний в феминизме — то, на что мне хотелось бы обратить здесь внимание⁴⁰. Интерпретация этого феномена, предложенная Грей, хорошо работает в рамках дискуссии об эссенциализме, но не может объяснить всех случаев неоднозначного словоупотребления в феминистских текстах. Далее мне бы хотелось разобрать больше разнообразных примеров, чтобы подкрепить ими свои соображения.

В качестве первого примера можно рассмотреть статью Розы Брайдотти «Изображения тела и порнография репрезентации»⁴¹. Статья посвящена обзору тенденций медиализации женского тела в соответствии с принципами научной репрезентации. Во введении Брайдотти заявляет, что одной из задач статьи является «актуализация и теоретизация альтернативной женской субъектности и поиск адекватных форм ее репрезентации»⁴². Она занимает в некотором роде антисциентистскую позицию, считая методологию научного исследования (в частности, «биомедицинский взгляд») отражающей принципы патриархального господства и идею «садистского» господства над женщиной⁴³. «Я думаю, что современная культура очарована мифом о партеногенезе», — пишет она, причем партеногенез является способом избежать признания «собственного происхождения в теле женщины»⁴⁴. «Биомедицинский взгляд» становится «садистским» и основан на идее «отделения плода от тела матери»⁴⁵. «Биомедицинские технологии призваны поддерживать маскулинную фантазию о самопорождении», — пишет Брайдотти⁴⁶. Короче говоря, «изучаемое, постигаемое и интеллектуально овладеваемое тело — это женское тело, и в частности — материнское»⁴⁷. «Разделение и автономия», «дистанция», «ясное определе-

40. Этот вопрос, поставленный Грей, неожиданно подкрепляется лаканианским анализом понятия «женщина». В частности, на XX семинаре Лакан рассказывает о том, что «множества *все женщины* не существует», и формирует следующий негативный тезис: «не все женщины являются субъектами фаллической функции. См. в: *Luernitz D.* Op. cit. P. 231.

41. Брайдотти Р. Изображения тела и порнография репрезентации // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 104–122.

42. Там же. С. 104.

43. Там же. С. 115.

44. Там же. С. 111.

45. Там же. С. 114–115.

46. Там же. С. 115.

47. Там же. С. 107.

ние границ между собой и миром» считаются «мужской точкой зрения»⁴⁸. Такому «перверсивному», «садистскому» подходу, ведущему к «порочным последствиям» Брайдотти противопоставляет феминистскую критику, которая способна разработать «эффективную политику» репродуктивных технологий⁴⁹.

Каким образом необходимо понимать все эти высказывания? Скажем, высказывание Брайдотти о том, что «изучаемое, постигаемое и интеллектуально овладеваемое тело — это женское тело» не предполагает какой-либо конкретизации. Иначе говоря, не существует никакого конкретного «изучаемого тела» или множества таких конкретных тел, которые при более пристальном изучении оказываются «женскими». Так можем ли мы выяснить содержание и объем понятий «изучаемое тело», «женское тело»? Могу ли я отнести к «изучаемым женским телам» свое тело или тело авторки и каким образом это утверждение должно согласовываться с моим персональным опытом? Все ли женщины когда-либо сталкиваются с «биомедицинским взглядом»? Всем ли женщинам доступна трансплантация органов или современная медицина в целом? То же самое можно спросить о понятиях «мужское» и «маскулинное». Почему описываемый Брайдотти взгляд именно «перверсивный» и «мужской», а не, скажем, преимущественно «наивный» и «детский»⁵⁰? Можно ли доказать какое-либо из высказываний Брайдотти?

Согласно Грей, задавать подобные вопросы нет смысла. Но действительно ли Брайдотти работает с речевыми стереотипами — выступает против каких-то из них, совершает обзор стереотипов или пытается создать и ввести в употребление новые? Похоже, что все ровным счетом наоборот: текст Брайдотти содержит намеренно неожиданную интерпретацию, которая претендует на новизну и вряд ли может считаться конвенционально-приемлемой с точки зрения того, как обычно употребляются слова «женское», «мужское», «материнское», «тело». Он также намеренно не содержит какого-либо анализа эмпирического материала, вроде интервью медицинских работников или научных сотрудни-

48. Там же. С. 117.

49. Там же. С. 116.

50. У Брайдотти проскальзывает аналогия со взглядом ребенка, который ломает вещи из интереса, которую можно было бы развить. См. в: *Брайдотти Р. Указ соч.* С. 113.

ков, где можно было бы наблюдать подобные стереотипы. Более того, если Брайдотти удастся ввести эти стереотипы словоупотребления в оборот, это сослужит ей плохую службу, поскольку текст, вероятно, потеряет большую часть своей патетической силы.

Множество других примеров можно найти в публичном поле, а именно на тематических интернет-ресурсах, где обсуждаются проблемы феминизма. Необходимо заранее подчеркнуть, что я намеренно выбираю одни тексты, ярко высвечивающие интересующее меня явление, и пренебрегаю другими. Далеко не все феминистские тексты используют слова «женский» или «мужской» как сугубо функциональные понятия — потому, что в них можно обнаружить и достаточно весомую дескриптивную часть, в которой описываются факты, действительно содержательно связанные с гендерным разделением. Скажем, тот факт, что большинство жертв изнасилований — женщины, невозможно опровергнуть, заменив слово «женщины» на слово «мужчины». Причина этого в том, что представление о гендерном разделении содержательно связано с дескриптивной частью суждения. Высказывание в целом является преимущественно дескриптивным. Здесь же мне хотелось бы найти примеры суждений, в которых системообразующий концептуальный аппарат четко отделен от дескриптивно-аргументативной части текстов.

На рассматриваемых мной ресурсах обычно публикуются эмоционально заряженные тексты о бытовых ситуациях и повседневных проблемах, объясняющие те или иные случаи при помощи феминистской оптики. Я предполагаю, что ресурсы, подобные сообществам «Свобода быть собой (СБС)»⁵¹, *Fem Unity*⁵², «Феминизм: наглядно»⁵³, «Феминизм Shelter»⁵⁴, которые можно найти в социальной сети «ВКонтакте», или сетевые журналы вроде *Wonderzine*, «РФО „ОНА“», играют большую роль в распространении идей феминизма в русскоязычном сегменте интернета. Возьмем для примера часть текста из группы «Свобода быть собой (СБС)» про то, что одинокие отцы вызывают у людей восхищение, а одинокие матери — осуждение:

51. Свобода быть собой (СБС). URL: https://vk.com/womens_freedom.

52. Fem Unity. URL: <https://vk.com/club77503163>.

53. Феминизм: наглядно. URL: https://vk.com/feminism_visually.

54. Феминизм Shelter. URL: <https://vk.com/feminizmshelter>.

Когда мужчине приходится в силу обстоятельств выращивать детей одному и у него оказывается при этом доступ в сеть, его душераздирающая история несется по интернету на крыльях многочисленных перепостов и лайков. <...> Независимо от того, куда делась мать детей, — умерла или ушла в дальнейшее плавание (а это все равно что умерла, как она могла!), одинокий отец возводится обществом в ранг святого. <...> Во дает, вот это мощь! Респект и уважуха, чувак. А мать мы осудим, осудим!⁵⁵

Чтобы увидеть, что в данном тексте слова «мать», «женщина», «отец», «мужчина» не несут смысловой нагрузки, а только функциональную, достаточно попытаться заменить все вхождения этих слов на гендерно-противоположные:

«Когда женщине приходится в силу обстоятельств выращивать детей одной и у нее оказывается при этом доступ в сеть, ее душераздирающая история несется по интернету на крыльях многочисленных перепостов и лайков», «одинокая мать возводится обществом в ранг святой», «а отца мы осудим, осудим» и т. д.

Можно вообразить подобный текст без особых смысловых искажений в антифеминистской или мизогинной группе. То есть никакой содержательной специфики, которую можно было бы соотнести с гендерными стереотипами, текст не несет, но по какой-то причине и сам он, и комментарии под ним посвящены обсуждению случаев неэтичного поведения мужчин в схожих ситуациях. Подобные случаи представлены как проявление гендерного неравенства. В качестве другого примера из той же группы можно взять пост с изображениями игрушек и картин из войлока под тегом «женская работа» (рис. 1). Сами по себе изображения не содержат никакого указания на гендер и политические взгляды мастера или мастерицы, но оказываются каким-то образом связаны с феминистской проблематикой. В сущности, изображения войлочных игрушек можно было бы заменить на любые изображения сделанных своими руками вещей без потери смысловой нагрузки.

Еще один пример из публичного поля: статья «Женщина не должна говорить „нет“: как общество запрещает тебе отказывать», опубликованная в сообществе «Феминизм:

55. Когда мужчине приходится...//Свобода быть собой (CBC). URL: https://vk.com/wall-127038608_160012?hash=146e382a81afe1220b.

Свобода Быть Собой (СБС)

30 июн в 10:00

...

#сбс_женская_работа #сбс_красивый_арт

Светлана yoki_tokki

РИСУНОК 1. #сбс_женская_работа//

Свобода быть собой (СБС). URL:

https://vk.com/wall-127038608_162902

наглядно»⁵⁶. В статье говорится о том, что с детства девочки учат со всем соглашаться, но необходимо научиться отказывать. Статьи на ту же тему, содержащие те же самые тезисы, но написанные в гендерно нейтральном тоне, можно найти на других публичных ресурсах: скажем, статья «Как отказывать? Советы психолога: как научиться говорить „нет“» на сайте «Хороший психолог»⁵⁷. Акцент на гендере практически ничего не добавляет к содержанию статьи.

Наконец, можно вспомнить историю, которую сама Френсис Грей рассказывает во введении к своей книге. Она говорит о том, что однажды посетила конференцию, на которой большинство спикеров были мужчинами. Когда она после одного из докладов порекомендовала автору

56. Женщина не должна говорить «нет»: как общество запрещает тебе отказывать // Феминизм: наглядно. URL: https://vk.com/@feminism_visually-zhenchina-ne-dolzha-govorit-net-kak-obschestvo-zapreschaet. Изначально опубликовано в журнале *Cosmo*.

57. Как отказывать? Советы психолога: как научиться говорить «нет» // Хороший психолог. URL: <https://психолог-хороший.рф/как-говорить-нет/>

доклада почитать Канта, автор не отреагировал на ее совет, а лишь спросил: «Вы где-нибудь преподаете?», Грей посчитала этот вопрос крайне некорректным: «словно меня можно воспринимать всерьез только при наличии работы в академии». Исходя из того факта, что спикерами на конференции были только мужчины, Грей интерпретировала вопрос о преподавательской деятельности как проявление мизогинии. «Ожидали ли они, что их будут слушать потому, что они были экспертами, или потому, что они были белыми мужчинами-экспертами среднего класса?» — спрашивает Грей и склоняется ко второму варианту⁵⁸. Выбор интерпретации для этой истории может быть весьма произвольным. Содержание истории неспецифично в плане гендерных ролей.

Все приведенные мной примеры с точки зрения феминизма можно назвать описанием «женского опыта», аккумуляцию которого предполагают соответствующие ресурсы и за артикуляцию которого выступают авторки академических статей. Тем не менее во многих случаях сложно объяснить, в чем состоит принципиальная «женскость» этого опыта. При попытке это сделать мы неизбежно приходим к рекурсивному определению: «женский опыт — это любовью опыт, *если он принадлежит женщине*». Понятие «женщина» имеет тенденцию отрываться от какого-либо содержания. Оно также часто оказывается отвязано от каких бы то ни было речевых стереотипов и функционирует само по себе.

Объяснение, которое предлагает этому явлению Грей, на мой взгляд, оставляет в стороне две вещи: 1) каким образом, если феминистский субъект «женщина» является всего лишь речевым стереотипом, она может стать субъектом действия, то есть мобилизовывать к действию и политической борьбе конкретных женщин? 2) Каким образом происходит причисление себя к классу «женщины», то есть переход от «личного» к «политическому» в каждом конкретном случае? Кажется, что «женский субъект», «женский опыт», на которых настаивают авторки-феминистки, должен быть чем-то большим, чем очередным речевым стереотипом. «Женщина» не просто обладает какими-либо качествами, она еще и является активной силой в борьбе против патриархата. Несмотря на значительные изменения в понимании того, какой должна быть феминистская борьба, пришедшие

58. Gray F. Op. cit. P.X.

со второй и с третьей волнами феминизма, я полагаю, этот момент остался неизменным.

Мое предположение заключается в следующем: системообразующие понятия феминистского дискурса, такие как «женский опыт», «женщина», «мужчина», «патриархат», «угнетение», «господство» и прочие являются прескриптивами. При этом они могут содержать и дескриптивную часть. Ричард Хэйр пишет о том, что определить тип суждения можно следующим образом: если главной в нем является дескриптивная часть, то она должна оставаться неизменной, в то время как смысл прескрипции будет меняться в зависимости от контекста. С другой стороны, если прескриптивная часть преобладает, то в зависимости от контекста меняется лишь дескриптивная часть⁵⁹. Все вышеприведенные примеры, включая обсуждение проблемы эссенциализма у Грей, достаточно ясно указывают на то, что дескриптивная часть понятий «женщина», «женский опыт» и т. д. сильно варьируется в зависимости от контекста и может быть практически любой, тогда как прескриптивная часть остается неизменной. Именно прескриптивная часть ответственна за создание политической субъектности.

Кроме того, по-видимому, такие прескриптивы, как «мужской» и «женский», «маскулинный» и «феминный», определяются через отрицание друг друга — то есть составляют бинарные оппозиции. То же самое касается понятий «угнетение» и «господство», связанных с соответствующими гендерными ролями. Понятие «патриархат» — название всей системы прескриптивов, относящихся к господству и угнетению, вместе с отношениями между ними.

В связи с этим мой следующий тезис:

3. Смысл феминистских прескриптивов определяется вне зависимости от контекста, из связи прескриптивов между собой.

Это значит, что императивная и оценочная части прескрипций выводятся не из отдельных прескриптивов, а из отношений, в которых прескриптивы находятся в общей системе. Кроме того, можно с уверенностью утверждать, что системообразующими прескрипциями являются негативные прескрипции: система прескриптивов, опреде-

59. Hare R. M. Op. cit. P. 114–115.

ляющая патриархат, говорит, в первую очередь, о «не должном», о том, как «не должно быть».

Система прескриптивов подразумевает наличие нормы связанности суждений. Любое феминистское высказывание, таким образом, следует этой норме и оказывается организовано в соответствии с правилами, которые задает само использование в тексте базовых прескриптивов.

В результате система бинарных оппозиций феминистского дискурса рисует некую карту или диспозицию. Тем или иным позициям придается определенный «вес» (исходя из позитивной или негативной оценки позиции). «Женщина» и «мужчина» в данной системе — субъектные позиции. Так как позиции прескриптивны, они предполагают те или иные императивы, или рекомендации к действию. Иначе это можно представить как игровое поле, на котором обозначены места для акторов и возможные ходы. На примере уже упомянутой статьи Брайдотти удобно наблюдать за тем, каким образом расставляемые ею прескриптивные позиции складываются в диспозицию. Антисциентистское высказывание, которое она делает, можно было бы совершить с похожей аргументацией без привлечения феминистского аппарата, но Брайдотти необходимо свести это высказывание именно к феминистской системе прескриптивов. Поэтому все, против чего она выступает в науке, становится дескриптивной базой прескриптива «мужское», с которым связываются исключительно негативные характеристики. Эмоционально и ценностно нагруженные прескриптивы «садистский», «извращенный», «перверсивный», «порнографический» связываются с понятием «мужской» (а именно мужской взгляд в науке). Расстановку позиций и приоритетов закрепляют такие прескриптивные фразы, как «то, что эмансипация плода в нашей столь патриархальной культуре должна происходить за счет матери, ужасно, но не удивительно»⁶⁰. Позиция «женщина» располагается напротив позиции «мужчина»: женщина и ее деятельность (деторождение, материнство, критика науки) занимают «хорошую», «одобряемую», но подавленную в ходе борьбы сторону. Субъект «женщина» на игровой доске Брайдотти — почти проигравшая «хорошая» сторона, которая должна взять реванш. Подтверждению этой идеи и служит ее критика науки.

60. Брайдотти Р. Указ. соч. С. 116.

Занятие конкретным человеком той или иной позиции на доске предполагает согласие с императивами. Здесь снова встает вопрос, который уже был поставлен ранее и на который не дает ответа Грей: что именно заставляет субъекта соотнести себя с позицией «женщина» и, таким образом, принять суждения должностования, предполагаемые феминистским дискурсом?

Мой ответ, позволяющий перейти к дискуссии о сходствах между психоанализом и феминизмом, звучит следующим образом: согласие с прескрипцией в феминизме обуславливает наличие определенного устойчивого, эмоционально нагруженного личного опыта. Подобный опыт в психоанализе называют симптомом. Здесь я перехожу к следующему тезису, который буду разбирать в четвертой части:

4. Система прескрипций в феминизме формирует определенную оптику только том в случае, когда интерпретирует симптом.

Чтобы раскрыть этот тезис, необходимо прояснить, на каких основаниях универсальный прескриптивный аппарат может быть связан с индивидуальным симптомом.

Наследие психоанализа

Главное введенное Фрейдом различие, которое остается важным для любой психоаналитической теории, — это различие между сознательной и бессознательной сферами психики. У психоаналитиков, последовавших за Фрейдом, это различие концептуализируется по-разному: скажем, Юнг разделил бессознательное на поверхностный, «личностный», слой и более глубинное «коллективное бессознательное»⁶¹. Лакан понимал бессознательное вначале как «речь», затем как инкорпорированный «язык», а в поздний период творчества — как «вместилище влечений»⁶². Пара «сознательное/бессознательное» превратилась у него в «символическое/вообра-

61. Gray F. Op. cit.; Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019.

62. Soler C. The Paradoxes of the Symptom in Psychoanalysis//The Cambridge Companion to Lacan/Rabate J.-M. (ed.). N.Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 85.

жаемое». Триадиические отношения завершает «реальное», сплетенное с двумя другими сферами психики в Борромеев узел⁶³. Лакан и Юнг схожи тем, что, в отличие от Фрейда, связывают бессознательное с социальным: у Лакана бессознательное представляет собой инкорпорированную в результате коммуникации языковую модель, а у Юнга «коллективное бессознательное» является всеобщим пространством мифов и архетипов, из которого появляется всякое индивидуальное сознание. Модель психики у разных психоаналитиков может по-разному усложняться, но фундаментальным открытием психоанализа может считаться именно отделение сознательного от бессознательного: предположение, что существует ненаблюдаемая и неконтролируемая часть личности, оказывающая влияние на то, как функционирует ее наблюдаемая и контролируемая часть⁶⁴. Бессознательное и сознательное плотно связаны, и наблюдаемые явления — в частности, *симптомы* — что-то говорят, открывают правду о бессознательных процессах⁶⁵. Определение симптома как проявлений бессознательного зависит от трактовки бессознательного конкретными авторами.

Скажем, Фрейдом симптом понимался как способ разрядки вытесненных в бессознательное влечений⁶⁶. У раннего Лакана симптом представал «посланием» бессознательного. Позже Лакан пришел к тому, что симптом — это «означающее, структурированное как метафорическая цепь, скрывающая первичное означаемое — травму»⁶⁷. Симптомы переживаются как нечто проблематичное, сопровождаются неприятными эмоциями. В классическом психоанализе это могут быть «тревога, соматические расстройства, нарушения мышления»⁶⁸. У позднего Лакана симптом «собирает воедино разрозненные элементы бессознательного», это уже «не проблема, а решение»⁶⁹. Симптом также перестает быть чем-то «девиантным», им может считаться широкий спектр явлений,

63. Ibid. P. 93; Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 2009. С. 100.

64. Там же. С. 54; Юнг К. Г. Указ. соч. М.: АСТ, 2019. С. 8.

65. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа // Семинары. М.: Гнозис, Логос, 2009. Кн. 1. С. 48.

66. Soler C. Op. cit. P. 87; Gray F. Op. cit. P. 22.

67. Soler C. Op. cit. P. 86.

68. Ibid. P. 87–88.

69. Ibid. P. 90.

сопряженных с беспокойством и эмоциональными переживаниями, — например, гетеросексуальные половые отношения⁷⁰. У Юнга наличие симптома означает утрату контроля над бессознательным и его проявлениями в сознании, «слабость» сознания и его «нежелание нести ответственность», которые преодолеваются при помощи индивидуации⁷¹.

Симптом лишь косвенно говорит о бессознательных структурах: отдельные симптоматические явления указывают на подавленные части психики, шифруя их и представляя в искаженном виде⁷². Работа психоаналитика заключается в том, чтобы путем «археологии» прошлого пациента расшифровать симптом и предложить такую интерпретацию, которая раскроет связь между сознательными и бессознательными процессами⁷³. Успешность лечения зависит от того, удастся ли привести сознательные структуры в соответствие с бессознательными, «распутать» узел. Здесь возникает еще одна важная для психоанализа категория: *интерпретация*.

Из всего разнообразия трактовок важно вынести следующие ключевые идеи: 1) симптом проявляет себя как неприятный опыт, он беспокоит пациентку, связывается с негативными эмоциями; 2) симптом устойчив, он постоянно повторяется и может быть вызван определенными триггерами; 3) у симптома есть какая-то семантика, он может рассматриваться как набор символов или означающих, указывающих за пределы сознания⁷⁴. Расшифровать симптом исключительно апелляцией к сознательному и наблюдаемому невозможно: симптом предполагает наличие внешних по отношению к сознанию структур, воздействующих на сознание.

70. Soler C. Op. cit. P. 89.

71. Юнг К. Г. Указ. соч. С. 160; Gray F. Op. cit. P. 8. По приведенной ссылке Грей пишет, что индивидуация — способ работы с симптомом и согласно Юнгу, и согласно Иригарей. У Иригарей индивидуироваться должна женщина, чтобы появиться как политический субъект.

72. Soler C. Op. cit. P. 87.

73. Лакан Ж. Указ. соч. С. 22.

74. Разумеется, «симптом» не обязательно означает «болезнь». Граница между болезнью и нормальным состоянием в данном случае размыта. Во многих версиях психоанализа прескриптивное понятие «нормы» ставится под вопрос: «симптомами» могут считаться и формально «нормальные» состояния.

Рис. 2 позволит точнее описать выделенную мной структуру. Меньшая окружность на схеме представляет собой «сознательное» (или «воображаемое», область наблюдаемых психических явлений). Отдельные точки — наблюдаемые феномены, эмоции, воспоминания, знаки, связанные между собой в симптоме. В большей окружности, «бессознательном» («символическом», область скрытых явлений) существуют какие-то феномены, которые связаны горизонтальными линиями с соответствующими феноменами в области сознательного, но в другой последовательности. Фигура *b* не соответствует по форме фигуре *a*, хотя они изоморфны. Психотерапевт путем словесной интерпретации феноменов, составляющих фигуру *a*, должен привести фигуры *a* и *b* в соответствие друг другу.

Я предполагаю, что феминизм точно так же работает с симптомом, но причины симптома располагает не в области психоаналитического бессознательного, а за границами психики, в области социального. Более точно соотношение между психоаналитическим и феминистским дискурсами выражено на рис 3. Феминизм считает причиной симптома *a* структуру *c*, которая находится в области социального. Область сознательного-символического остается на прежнем месте, а вот психоаналитическое «бессознательное» феминистским дискурсом не захватывается. Отсюда первое пояснение, раскрывающее тезис 4:

4.1. Прескриптивная система феминизма — это идея бессознательного, вынесенного в область социального.

По этой причине феминистский психоанализ оказывается так озадачен именно лаканианским «символическим» и юнгианским «коллективным бессознательным»: «бессознательное» и у Лакана, и у Юнга представляет собой социальное, «упакованное» в область индивидуального, что прямо противоположно феминистской схеме. Психоанализ и феминизм находят причины симптома в противоположных областях, которые никак не пересекаются. С этим столкнулась, например, Грей, при попытке объединить с феминизмом юнгианский психоанализ. Решение, которое нашла Грей, весьма показательно: она обратилась к Бурдье и решила рассматривать юнгианское «коллективное бессознательное» как социальную категорию. «Коллективное бессознательное», порождающее индивидуальную психику, стало у нее тем же самым, что коллективная память и «за-

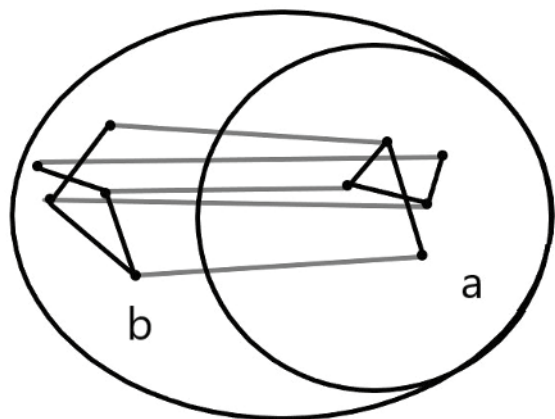

РИСУНОК 2. Сознательное и бессознательное

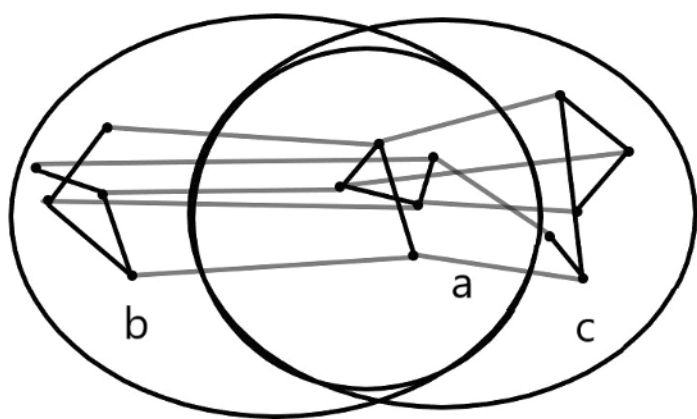

РИСУНОК 3. Сознательное, бессознательное и социальное

бытая» история, порождающие габитус в социологии⁷⁵. Грей снова вынесла «социальное» из области индивидуальной психики и расположила его вовне. Она сменила психоаналитическую схему психики на феминистскую и подчинила теорию Юнга феминистской системе прескрипций. В результате Грей может утверждать возможность изменения содержащего гендерные стереотипы «коллективного бессознательного», которое у Юнга является фиксированным и изменениям не поддается⁷⁶. Она работает при-

75. Gray F. Op. cit. P. 70.

76. Ibid. P. 72.

мерно в том же ключе, что и феминистский психоанализ 1980-х годов, в котором истерия рассматривалась как реакция угнетенных женщин на социальный порядок. В таких теориях причины истерического симптома оказываются расположены не в «бессознательном», а вне индивидуальной психики⁷⁷.

Как и в психоанализе, фигура *a* в области индивидуального сознания должна быть приведена в соответствие с фигурой *c* при помощи интерпретации. Поскольку в феминистском дискурсе отсутствует позиция аналитика⁷⁸, дискурс сам по себе предоставляет адресатке только техники интерпретации. Процедура психоанализа превращается в самоанализ: в случае если симптом удачно «захвачен» феминистским аппаратом, адресатка проводит анализ самостоятельно. В результате вместе с интерпретацией она получает набор прескрипций.

Диагностика симптомов и обсуждение техник анализа могут осуществляться в результате коллективных обсуждений и обмена опытом: например, на дискуссионных площадках, которые я упоминала в начале статьи. Особенно в этом плане отличается группа «Феминизм *Shelter*». Обычно в таких группах публикуют истории из жизни, которые авторки постов или комментаторки разбирают с точки зрения феминизма. Участницы могут просить совета или делиться историями, похожими на уже рассказанные. Часто истории вывешиваются в виде скриншотов с других площадок, обрывков анонимных диалогов в мессенджерах. Эксплицитно они могут не содержать никакой интерпретации, но выражают эмоции негодования, тревоги или недоумения. В качестве примера можно привести скриншот из сообщества «Феминизм: наглядно» (рис. 4). Авторка поста при помощи двухполосного комикса выражает недоумение и раздражение от чьего-то комментария, комментаторки поддерживают эту эмоцию и рассказывают о собственном опыте.

77. Жеребкина И. Указ. соч. С. 20–23.

78. Как следствие, исключены такие важные для психоанализа категории, как «перенос», «отношения с аналитиком» и проч.

РИСУНОК 4. Пост из паблика «Феминизм: наглядно» с комментариями

Другой пример — перевод англоязычного текста, опубликованный в группе *FemUnity*, который начинается следующим образом:

Ты так чувствительна. Так эмоциональна. Ты всегда занимаешь оборонительную позицию. Ты слишком бурно реагируешь. Успокойся. Расслабься. Прекрати сходить с ума! <...>

Знакомо звучит?

Возможно, если вы женщина.

Слышали ли вы когда-нибудь подобные комментарии от супруга, партнера, начальника, друзей, кол-

лег или родственников, после того как вы выражали расстройство, печаль или гнев по поводу чего-нибудь, что они сделали или сказали?»⁷⁹

Далее авторка текста объясняет, что это называется «газлайтинг», и раскрывает значение термина. Запись собрала 109 комментариев, среди которых большое количество личных историй: например, обсуждение, представленное на рис. 5. В исходном тексте предложен способ интерпретации личного опыта через понятие газлайтинга, которым воспользовались некоторые комментаторки для анализа собственных историй.

Предположительно именно наличие симптома заставляет читательницу эмоционально откликаться на подобные тексты и соотносить их со своим опытом. Эмоциональный оттенок и содержание текстов в таком случае являются триггером симптома. В приведенных мной примерах развернутый анализ не проводится, он, скорее, подразумевается контекстуально. Адресатка, снова сталкиваясь со своим симптомом и вспоминая связанные с ним жизненные истории, может лишь провести самоанализ при помощи предложенного концептуального аппарата. Интерпретация такого типа подразумевает, что причиной симптома является определенный социальный порядок.

Отсюда следующий тезис:

5. Посредством интерпретации симптом в феминизме становится свидетельством (определенного социального порядка).

Яркой иллюстрацией здесь может быть следующая фраза из интервью с Амией Шринивасан: «Откровенно говоря, я замечаю у многих феминисток старшего возраста <...> сильную тревогу о том, что с возрастом они становятся малозначимыми и никому не нужными. Конечно, при патриархате у стареющих женщин полно причин беспокоиться о малозначимости и ненужности»⁸⁰. Шринивасан диагностирует у своих коллегинь тревогу, а затем находит причины этой тревоги в том, что общество патриархально. Не только

79. Ты так чувствительна. Так эмоциональна...//FemUnity. URL: https://vk.com/wall-77503163_288727.

80. Srinivasan A. Op. cit.

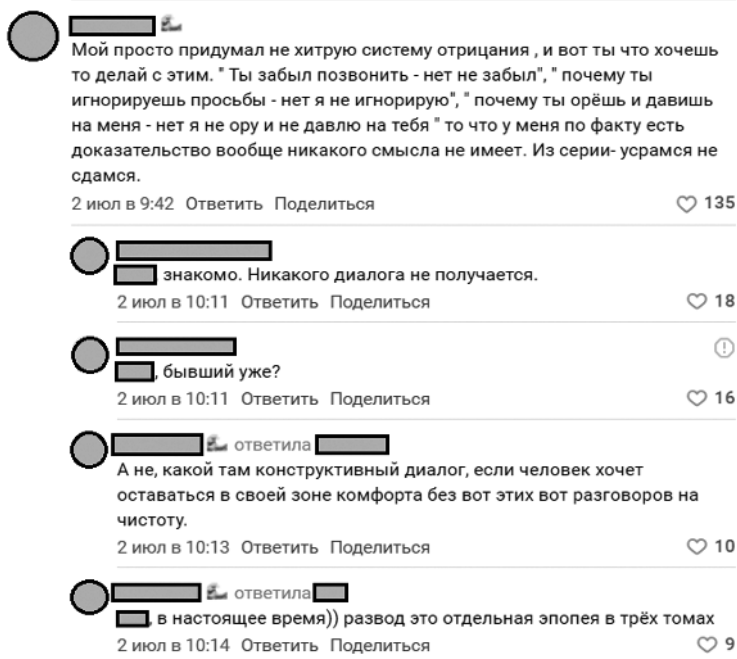

РИСУНОК 5. Комментарии к посту
о газлайтинге в паблике *FemUnity*

тревога объясняется патриархатом, но и наличие патриархата подтверждается этой тревогой.

Личный опыт и конкретные факты, которые подвергаются интерпретации в феминизме, расширяют его дескриптивную базу и благодаря этому укрепляют прескриптивный аппарат. Принятие прескрипций, которое следует за успешной интерпретацией личного опыта адресаткой, обуславливает ее политическую *вовлеченность*, или, говоря иначе, производит мобилизацию. В процессе меняется цель интерпретации. Если психоаналитическая интерпретация направлена на то, чтобы, по возможности, избавить пациента от симптома средствами одной психотерапии, то феминистская интерпретация направлена на вовлечение в социальные практики. Устойчивость симптома и его постоянное подкрепление в процессе обсуждений обеспечивает стабильность вовлеченности.

Все вышесказанное прекрасно обобщается классическим слоганом феминизма второй волны: «личное — это политическое». Психоанализ не может похвастаться таким же мобилизационным аппаратом: в нем личное остается лич-

ным и за пределы кабинета психоаналитика не выходит. Джулиет Митчелл в статье 1999 года задается вопросом: «неужели психоанализу изначально присуща некая аполитичность?»⁸¹ Действительно, особенности психоаналитического аппарата препятствуют политическому вовлечению и в этом расходятся с феминизмом. Более того, психоанализ рассчитывает избавить пациентку от симптома, который необходим для мобилизации, без изменения социального порядка. Митчелл считает, что к концу XX века обращение к психоанализу де-радикализует феминистскую теорию, превращает ее в «академическое упражнение»⁸². Тем не менее она предполагает, что психоанализ может быть полезен для анализа семейных и родовых отношений, поскольку, к примеру, указывает на значение матерей в становлении личности детей⁸³. Митчелл обеспокоена проникновением квир-теории в феминизм и чрезмерной фокусировкой на перформативности, тогда как частные семейные и бытовые проблемы остаются нерешенными⁸⁴. Через проблемы перформативности и соотношения «личное/политическое» можно, наконец, подойти к решению ключевого вопроса, которым задается феминистская теория и который я неоднократно упоминала в этой статье: кем же является субъект действия в феминизме? Кто такая *женщина*?

Коллективный субъект действия

Подступиться к обозначенной проблеме можно «от противного», а именно от квир-теории. Квир-теория ломает прескриптивный аппарат феминизма, запрещая базовую для феминизма гендерную дихотомию⁸⁵. Кэти Руди, как и Митчелл, настроенная против квир-теории, замечает, что квир-теория придает чересчур большое значение «публичному» в ущерб «частному», в то время как проблемы большинства женщин остаются в сфере «частного»⁸⁶. Иными словами, прескриптивы феминистской теории не только отрицаются сами по себе, но и лишаются дескриптивной базы: больше нельзя привести в качестве аргумента, например, тот

81. Mitchell J. Op. cit. P. 186.

82. Ibid. P. 188.

83. Ibid. P. 190–191.

84. Ibid. P. 191.

85. Rudy K. Queer Theory and Feminism // Women's Studies: An Inter-Disciplinary Journal. 2000. Vol. 29. № 2. P. 196.

86. Ibid. P. 209.

факт, что женщины по статистике выполняют больше работы по дому. Представление о перформативности гендера делает насущные проблемы женщин невидимыми, что выглядит как «еще одна уловка мужчин, чтобы получить власть»⁸⁷. Критика Руди, которая называет квир-теорию «мужской» территорией и способом поддержки патриархата, с точки зрения самой квир-теории парадоксальна, но это позволяет авторке снова свести дискурс к феминистской системе прескриптивов⁸⁸.

Из этих дискуссий можно вынести две важные вещи. Во-первых, идея о перформативности гендера, доведенная до своего логического предела, конфликтует с классической феминистской теорией. И во-вторых, квир-теория отрицает тот тип политической субъектности, который выстраивает феминизм. Более подробный разбор того, как это происходит, позволяет еще раз собрать воедино представления о «коллективном» субъекте феминизма.

Перформатив — это суждение, которое само по себе является социальным действием. Впервые это понятие было введено философом языка Джоном Остином, после чего подхвачено «бабушкой квир-теории» Джудит Батлер, развившей теорию о перформативности гендера⁸⁹. Как и прескриптив, перформатив не может быть истинным или ложным. Он также имеет тенденцию отрываться от содержания и ставит под сомнение референциальность языка⁹⁰. Несмотря на эти сходства, идея перформатива, положенная в основу квир-теории, является в некотором роде противоположной идее прескриптива.

Утверждение о том, что гендер перформативен, означает, что он существует лишь постольку, поскольку воспроизводит себя в отдельных дискурсивных практиках⁹¹. Квир-теория, таким образом, наделяет субъекта властью через возможность осуществления тех или иных перформативных действий. Дискурс, воспроизводящий гендер, — это публичный дискурс, складывающийся из индивидуальных социальных действий⁹². Как показывает Кендалл Гердес, в рамках квир-теории остается неоднозначным,

87. Rudy K. Op. cit. P. 211.

88. Ibid. P. 213.

89. Gerdes K. Performativity // TSQ: Transgender Studies Quarterly. 2014. Vol. 1. № 1–2. P. 148; Жеребкина И. Указ. соч. С. 16.

90. Gerdes K. Op. cit. P. 148.

91. Ibid. P. 149.

92. Ibidem.

принадлежит ли язык социальных действий субъекту или субъект языку, властвует ли гендер над субъектом или субъект над гендером⁹³. Амбивалентность перформативной теории гендера, по-видимому, проистекает из того, что, вопреки мнению Кэти Руди, разница между публичным и частным в ней в принципе отсутствует. Отдельное перформативное действие является и «публичным» и «частным» одновременно. Субъект, действие и высказывание представляют собой сингулярность: в квир-теории не существует ни «коллективного действия», ни «психики» как таковой.

Если перформатив сам по себе является действием, то прескрипция лишь обозначает условия действия. Перформатив наделяет «сингулярного» субъекта властью над гендерным дискурсом, в то время как негативная прескриптивная система в феминизме приписывает «коллективному» субъекту «женщина» отсутствие власти. Феминизм рисует диспозицию, в которой власть каким-то образом распределена в зависимости от отношений, в которых прескриптивы находятся между собой. «Сингулярность» квир-теории построить такую диспозицию не позволяет.

Поэтому квир-теория предполагает, в первую очередь, индивидуальный протест. Перформативное действие не может быть действительно коллективным. Массовый протест, социальная группа с точки зрения квир-теории представляют из себя всего лишь паттерн, набор индивидуальных перформативных действий. Гендер тоже является своего рода паттерном повторяющихся действий: он формирует-ся и формирует себя действием и вне этого процесса не существует. В результате обобщающие категории квир-теории, такие как «геи», «лесбиянки», «интерсекс-люди», «квир-ы», не выполняют той же прескриптивной функции, что и понятия «женщины», «мужчины» в феминизме: иначе говоря, не являются коллективными субъектами действия. Это лишь обобщающие названия для множеств индивидуальных случаев. «Сингулярный» субъект не борется с каким-либо общественным строем или социальной группой, а скорее в качестве протеста, продуцирует и делает видимой свою идентичность.

Важно еще раз отметить, что «сингулярный» субъект квир-теории обладает не «психикой», а перформативной

93. Ibidem.

«идентичностью». С другой стороны, «коллективный» субъект феминизма структурирован по аналогии с представлением о психике в психоанализе. «Сознательная» часть феминистского субъекта «женщина» состоит из множества индивидуальных сознаний, в то время как «бессознательная» часть формируется прескриптивным аппаратом, который интерпретирует каждый индивидуальный симптом. В результате интерпретации, полученной в ходе самоанализа, индивидуальный опыт связывается с моделью социального «бессознательного» по аналогии с тем, как это происходит в психоанализе.

Заключение

В заключение хотелось бы рассмотреть несколько стратегий расширения феминистского дискурса, благодаря которым оказывается возможной актуализация и постоянное воспроизведение коллективного субъекта действия. Во-первых, это уже упомянутый мной обмен опытом, который происходит в ходе коллективных обсуждений, при личных встречах или на дискуссионных площадках. Эмпатия и взаимная поддержка помогают участницам сформировать соответствующую картину мира. Эмоциональная насыщенность дискуссий позволяет выявить симптом и поддерживает его проявления. Благодаря этому участницы могут формировать активные позиции, направленные на изменение социального порядка. Скорее всего, формирование позиции происходит достаточно долго — примерно столько же, сколько должен длиться курс психоанализа, чтобы привести к каким-либо результатам. Качественное исследование тридцати четырех молодых женщин-феминисток, проведенное Сюзан Мэрин и Рут Льюис, показало, что «феминистская идентичность» может формироваться годами и даже десятилетиями, при периодическом чтении соответствующих материалов и их обсуждении⁹⁴.

Во-вторых, это экспансия в соседние области с расширением границ, которая достигается путем интерпретации всевозможных явлений с феминистской точки зрения. На это направлено огромное количество феминистских текстов на самые разные темы, которые могут показаться ни-

94. *Marine S.B., Lewis R. «I'm in This for Real»: Revisiting Young Women's Feminist Becoming // Women's Studies International Forum 47. 2014. P. 15.*

как прямо не связанными с феминистской проблематикой: от эссеистики и публицистики до академических статей. И, в-третьих, это поглощение феминистским дискурсом других дискурсов. Последняя стратегия представляет особый интерес, поскольку связана с проектом феминистской эпистемологии.

«Женщине, чтобы иметь интеллектуальное значение, предлагается „мыслить, как мужчина“. Неспособность же женщины примерить на себя привилегированный опыт и мыслить по заданным андроцентричным правилам приводится в доказательство того, что она не способна к теоретизированию и абстрагированию в принципе. При этом упускают из виду, что взятое за стандарт и точку отсчета абстрагирование является искаженным в силу своей андроцентричности и конструирует ложную реальность, в которой женщины и угнетенные группы вынесены на задворки истории мысли», — пишут редакторки *FEM TALKS*⁹⁵. Этот абзац хорошо описывает предпосылки феминистской критики науки. В целом он построен по правилам феминистского высказывания, разобранным мной в основном тексте статьи: то, что является объектом критики в науке, связывается негативным прескриптивом «мужское», в то время как «женщина» обладает противоположным, альтернативным научным взглядом. Прескрипция формирования альтернативного научного подхода связывается с прескрипцией формирования женской субъектности как таковой: теперь любые научные работы женщин являются аргументативной базой по отношению к прескриптиву «женщина» и служат формированию коллективного субъекта действия. Феминистская оптика, в определенном смысле, субъектоцентрична: она подразумевает поиск субъекта действия в любом дискурсе. Вкратце в этом и заключается феминистский проект критики науки. Согласие с ней должно основываться на успешной интерпретации читательницей собственного симптома в связи с описанными прескрипциями: скажем, высказывание о том, что «женщине предлагается „мыслить, как мужчина“» может быть принято при наличии соответствующего опыта, либо такого знания о схожих ситуациях, которое вызывает тревогу, негодование или другие эмоции. Тогда читательница может отождествиться с упо-

95. Денисова К., Красильникова А. Указ. соч. С. 2.

мянутой здесь позицией «женщина» и примет прескриптив⁹⁶.

Именно с такой позиции Розы Брайдотти, статью которой я разбираю в первой части, рассматривает биомедицинский дискурс⁹⁷. То, каким образом работает феминистская эпистемология, также хорошо описано в программной статье Донны Харауэй «Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы»⁹⁸. Это описание у Харауэй принимает прескриптивный вид: она рассуждает о «должном», хотя многое из описываемого ею на момент публикации статьи в 1988 году уже является неотъемлемыми особенностями феминистских текстов.

Харауэй рассматривает два доминирующих на тот момент подхода в феминистской эпистемологии: релятивистский (конструкционистский), согласно которому все точки зрения субъективны и между ними нет привилегированных, и объективистский, согласно которому существует объективное знание (им обладает, в частности, феминизм)⁹⁹. В качестве альтернативы обоим она предлагает ситуативный подход, подразумевающий попытку «собрать» объективную позицию из множества частичных субъективных перспектив¹⁰⁰. «Необходимо одновременно и учесть радикальную историческую контингентность всех познавательных суждений и познающих субъектов <...> и сохранить осмысленную приверженность заслуживающим доверия объяснениям „реального“ мира», — пишет она¹⁰¹. На данный момент научная «объективность» подразумевает доминирование взгляда белого мужчины и не является настоящей «фрагментарной» объективностью, к которой стремится Харауэй¹⁰². «Моральный и политический дискурсы должны быть

96. В своей статье я рассматривала только процессы мобилизации и формирования «женского» коллективного субъекта. Вопрос о том, каким образом феминистский дискурс или конкретно феминистская наука воспринимаются индивидами, которые по какой-то причине не способны отождествиться с «женской» позицией (например, идентифицируют себя с другим гендером), выходит за границы этого исследования. Я допускаю, что существует момент самодемонстрации коллективного субъекта, его обращение к противоположной стороне, которое должно работать каким-то конкретным образом.

97. Брайдотти Р. Указ. соч. С. 104–122.

98. Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 238–271.

99. Там же. С. 242–243.

100. Там же. С. 257.

101. Там же. С. 245.

102. Там же. С. 247.

парадигмой рационального дискурса об образности и техниках зрения», — говорит она¹⁰³. Иными словами, Харауэй, применяя феминистскую оптику к другим дискурсам, обнаруживает в них доминирование белых мужчин и выводит из этого тезис о том, что всякие дискурсы должны быть устроены как феминистский дискурс. Единственная введенная ею поправка: «угнетенных» позиций в дискурсе должно быть больше одной¹⁰⁴.

Релятивистская идея, позаимствованная Харауэй у других авторок-феминисток, заключается в том, что все дискурсы эквивалентны постольку, поскольку их различия сводятся к различию позиций, с которых выносятся суждения. Ей необходимо утверждать это, поскольку ключевой эпистемологической проблемой она считает проблему различия «субъективного» и «объективного» взглядов. «Объективный» взгляд подразумевает абсолютную «позицию Бога», а «субъективный» взгляд — относительную, неистинную позицию¹⁰⁵. Харауэй приходит к тому, что все взгляды «субъективны». Как мне кажется, в науке вопрос достаточно редко ставится подобным образом. Определенная картина мира возникает, скорее, не по причине занятия какой-либо «позиции», а в результате применения какого-либо метода. Вероятно, Харауэй намеренно переносит внимание с метода на «позицию»: это позволяет ей политизировать научный дискурс. Так она может утверждать, что «любые позиции» основаны на «неравном распределении привилегий и угнетения»¹⁰⁶. «Позиции» для нее являются в прямом смысле точками, с которых ведется обзор. В такой интерпретации все дискурсы действительно оказываются похожими на феминистскую «игровую доску» с определенными местами, предназначенными для субъектов.

Тем не менее предпринятый мною в этой статье анализ заставляет предположить, что не все так просто. Те или иные «оптики» представляют собой не столько точечные «позиции», сколько целые системы, которые могут состоять из позиций, отношений, утверждений и других элементов. Идею об эквивалентности различных оптик можно развить только пренебрегая их структурой. В предыдущих параграфах я показала, что по крайней мере квир-теория,

103. Там же. С. 256.

104. Там же. С. 251.

105. Там же. С. 281.

106. Там же. С. 244.

психоанализ и феминизм не являются эквивалентными системами. Более того, они решают разные задачи. Различные «оптики» могут конфликтовать, не сочетаться между собой, заимствовать друг у друга элементы в силу того, что они сформированы разными способами и устроены по-разному. Благодаря этому их можно сравнивать и анализировать. Не-эквивалентность оптик означает непреодолимую разницу принципов их внутреннего устройства. Однако сам по себе этот факт не означает, что здесь работает логика субъективности/объективности или угнетения/привилегий.

Феминистская эпистемология, таким образом, подразумевает попытку вначале свести различные оптики к сингулярным «позициям», а затем отождествить эти позиции с позициями субъектов действия в самом феминистском дискурсе. В результате единственной фундаментальной оптикой становится феминистская, потому что именно ее системе прескрипций оказывается подчинен каждый текст. Так работает упомянутая стратегия «поглощения» феминизмом других дискурсов.

Под конец следует отметить, что из-за жанровых ограничений не все аспекты взаимоотношений психоанализа и феминизма были рассмотрены в данной статье. Многие тезисы, сформулированные мной, требуют более глубокой проработки и дополнительной проверки. Например, мысль о том, что вовлеченность в феминистский дискурс требует наличия симптома, может быть подтверждена или опровергнута эмпирически, при помощи глубинного интервьюирования участниц феминистских движений. Кроме того, было бы интересно проанализировать причины распространения популярной психологии и обращение к практикам самопомощи в феминистских кругах: связано ли это с найденными мною сходствами психоанализа и феминизма? В четвертом параграфе я затронула тему перформативов и пришла к утверждению о том, что перформативная теория гендера во многом противоречит классическому феминистскому дискурсу. Но ограничивается ли дело противоречиями? Может ли быть идея перформативности успешно встроена в феминистский дискурс? Здесь стоило бы проанализировать многочисленные работы, посвященные сочетанию этих двух оптик. Я предполагаю, что дальнейшая проработка темы может быть полезна не только для исследований феминизма, но и для анализа других современных политических течений и дискурсов.

Библиография

- Брайдотти Р. Изображения тела и порнография репрезентации // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 104–122.
- Герчиков Д., Ройдман А. Непримиримость и обмен знанием между психоанализом и феминизмом // Stasis. 2022. Т. 12. № 1. С. 198–226.
- Денисова К., Красильникова А., Узарашвили Л. Прекратить бег по кругу: феминистские авторки и переводчицы против андроцентризма // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 1–12.
- Женщина не должна говорить «нет»: как общество запрещает тебе отказывать // Феминизм: наглядно. URL: http://vk.com/@feminism_visually-zhenchina-ne-dolzha-govorit-net-kak-obschestvo-zapreshaet.
- Жеребкина И. Роман с истерией: от феминистского постлакановского психоанализа к новым исследованиям истерии // Stasis. 2022. Т. 12. № 1. С. 14–38.
- Как отказывать? Советы психолога: как научиться говорить «нет» // Хороший психолог. URL: <http://психолог-хороший.рф/как-говорить-нет/>.
- Когда мужчине приходится... // Свобода быть собой (СБС). URL: http://vk.com/wall-127038608_160012?hash=146e382a81afe1220b.
- Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 2009.
- Свобода Быть Собой (СБС). URL: http://vk.com/womens_freedom.
- Ты так чувствительна. Так эмоциональна... // FemUnity. URL: http://vk.com/wall-77503163_288727.
- Феминизм Shelter. URL: <http://vk.com/feminizmshelter>.
- Феминизм: наглядно. URL: http://vk.com/feminism_visually.
- Феррандо Ф. Феминистская генеалогия эстетики постчеловеческого в визуальных искусствах // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 123–161.
- Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 238–271.
- Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019.
- Dahl N.O. A Prognosis for Universal Prescriptivism // Philosophical Studies. 1986. Vol. 51. P. 383–424.
- Fem Unity. URL: <http://vk.com/club77503163>.
- Gerdes K. Performativity // TSQ: Transgender Studies Quarterly. 2014. Vol. 1. № 1–2. P. 148–150.
- Gray F. Jung, Irigaray, Individuation. Philosophy, Analytical Psychology, and the Question of the Feminine. N.Y.: Routledge, 2008.
- Hare R.M. The Language of Morals. L.: Oxford University Press, 1972.
- Luepnitz D. Beyond the phallus: Lacan and feminism // The Cambridge Companion to Lacan / J.-M. Rabate (ed.). N.Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 221–237.
- Marine S.B., Lewis R. “I’m in This for Real”: Revisiting Young Women’s Feminist Becoming // Women’s Studies International Forum. 2013. Vol. 47. P. 11–22.
- Mitchell J. Feminism and Psychoanalysis at the Millenium // Women: a cultural review. 1999. Vol. 10. № 2. P. 185–191.
- Rudy K. Queer Theory and Feminism // Women’s Studies: An inter-disciplinary journal. 2000. Vol. 29. № 2. P. 195–216.
- Sen A.K. The Nature and Classes of Prescriptive Judgments // The Philosophical Quarterly. 1967. Vol. 17. № 66. P. 42–62.
- Soler C. The paradoxes of the symptom in psychoanalysis // The Cambridge Companion to Lacan / J.-M. Rabate (ed.). N.Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 85–102.
- Srinivasan A. What should feminist theory be? // Radical Philosophy. 2022. № 202. P. 48–61. URL: <http://radicalphilosophy.com/interview/what-should-feminist-theory-be>.

Symptom and Evidence: Feminism as a Form of Psychoanalysis

Elena Vivich. National Research University Higher School of Economics (HSE); A. V. Poletaev Institute for Humanitarian Historical and Theoretical Research (IGITI), Moscow, Russia, evivich@hse.ru.

For about sixty years, feminism has been in a complicated relationship with psychoanalysis. On the one hand, psychoanalysis deals with topics important to feminism, and many of its ideas could be rethought. On the other hand, the substantive contradictions between feminism and psychoanalysis hinder their productive collaboration. This article proposes that the problems faced by the project of feminist psychoanalysis arise not so much from the differences as from the similarities between these two discourses. The feminist view is based on the basic foundations of psychoanalysis. The structure of society in feminism is understood in the same fashion as the psychoanalytic unconscious. Feminist discourse aims to “capture” a symptom and offer it up for interpretation. At the same time, the interpretive apparatus of feminism differs from psychoanalytic theory for it is based on an internally coherent system of prescriptions. So long as the symptom is successfully interpreted, political involvement is something that feminism has hopes to achieve. Thus individual cases are taken as analogous to the “conscious” in psychoanalysis and the system of prescriptives the “unconscious”. In such a way a “collective” political subject can be formed. Since psychoanalysis and feminism find the causes of the symptom in different areas that do not intersect they come into conflict.

The introduction briefly describes the context of the study. The first section introduces the concepts of description and prescription and analyses feminism's theoretical foundations. The author comes to the conclusion that the foundations of feminism could be thought of as a system of prescriptives. The second section examines the structures that feminism and psychoanalysis share and how they come into conflict. In the third section, feminism is compared with queer theory, and the differences between the two are used to bring together the idea of a collective political subject. In conclusion, the main strategies for strengthening feminist discourse are considered. Particular emphasis is given to the project of feminist epistemology. The materials used in the article are academic and journalistic articles written by feminists, blog posts and comments from discussion platforms, and a single public interview.

Keywords: *feminism; psychoanalysis; symptom; involvement; prescriptiveness.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-51-90

References

- Braidotti R. Izobrazheniya tela i pornografiya reprezentatsii [Body-Images and the Pornography of Representation]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2022, vol. 32, no. 1, pp. 104–122.
- Dahl N.O. A Prognosis for Universal Prescriptivism. *Philosophical Studies*, 1986, vol. 51, pp. 383–424.
- Denisova K., Krasilnikova A., Uzarashvili L. Prekratit' beg po krugu: feministskie avtorki i perevodchitsy protiv androtsentrizma [Stop Running In Circles: Feminist Authors and Translators Against Androcentrism]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2022, vol. 32, no. 1, pp. 1–12.

- Fem Unity*. URL: <http://vk.com/club77503163>.
- Feminizm Shelter* [Feminism Shelter]. URL: <http://vk.com/feminizmselter>.
- Feminizm: naglyadno* [Feminism: Visually]. URL: http://vk.com/feminism_visually.
- Ferrando F. Feministskaya genealogiya estetiki postchelovecheskogo v vizual'nykh iskusstvakh [A Feminist Genealogy of Posthuman Aesthetics in the Visual Arts]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2022, vol. 32, no. 1, pp. 123–161.
- Gerchikov D., Roydman A. Neprimirymost' i obmen znaniiem mezhdu psikhooanalizom i feminizmom [The Irreconcilability and Sharing of Knowledge between Psychoanalysis and Feminism]. *Stasis*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 198–226.
- Gerdes K. Performativity. *TSQ: Transgender Studies Quarterly*, 2014, vol. 1, no. 1–2, pp. 148–150.
- Gray F. *Jung, Irigaray, Individuation. Philosophy, Analytical Psychology, and the Question of the Feminine*, New York, Routledge, 2008.
- Haraway D. Situativnye znaniya: vopros o nauke v feminizme i preimushchestvo chastichnoi perspektivy [Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2022, vol. 32, no. 1, pp. 238–271.
- Hare R.M. *The Language of Morals*, London, Oxford University Press, 1972.
- Jung C.G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the Collective Unconscious], Moscow, AST, 2019.
- Kak otkazyvat'? Sovety psikhologa: kak nauchit'sya govorit' "net" [How to Learn to Say No? Advice From a Psychologist]. *Khoroshii psikholog* [Good Psychologist]. URL: <http://psikholog-khoroshii.rf/kak-govorit'-net/>.
- Kogda muzhchine prikhoditsya... [When a Man Have to...]. *Svoboda byt' soboi* (SBS) [Liberty of Being Oneself (LBO)]. URL: http://vk.com/wall-127038608_160012?hash=146e382a81afe1220b.
- Lacan J. *Seminary. Kniga 1. Raboty Freida po tekhnike psikhoanaliza* [Le séminaire. Livre 1. Les écrits techniques de Freud], Moscow, Gnozis, Logos, 2009.
- Luepnitz D. Beyond the phallus: Lacan and feminism. *The Cambridge Companion to Lacan* (ed. J.-M. Rabate), New York, Cambridge University Press, 2003, pp. 221–237.
- Marine S.B., Lewis R. "I'm in This for Real": Revisiting Young Women's Feminist Becoming. *Women's Studies International Forum*, 2013, vol. 47, pp. 11–22.
- Mitchell J. Feminism and Psychoanalysis at the Millenium. *Women: a cultural review*, 1999, vol. 10, no. 2, pp. 185–191.
- Rudy K. Queer Theory and Feminism. *Women's Studies: An inter-disciplinary journal*, 2000, vol. 29, no. 2, pp. 195–216.
- Sen A.K. The Nature and Classes of Prescriptive Judgments. *The Philosophical Quarterly*, 1967, vol. 17, no. 66, pp. 42–62.
- Soler C. The paradoxes of the symptom in psychoanalysis. *The Cambridge Companion to Lacan* (ed. J.-M. Rabate), New York, Cambridge University Press, 2003, pp. 85–102.
- Srinivasan A. What should feminist theory be? *Radical Philosophy*, 2022, no. 202, pp. 48–61. URL: <http://radicalphilosophy.com/interview/what-should-feminist-theory-be>.
- Svoboda Byt' Soboi* (SBS) [Liberty of Being Oneself (LBO)]. URL: http://vk.com/womens_freedom.
- Ty tak chuvstvitel'na. Tak emotsional'na... [You're So Sensitive. So Emotional...]. *FemUnity*. URL: http://vk.com/wall-77503163_288727.
- Zhenshchina ne dolzhna govorit' "net": kak obshchestvo zapreshchaet tebe otkazyvat' [A Woman Should Not Say No: How Society Forbids You to Say

No]. *Feminizm: naglyadno* [Feminism: Visually]. URL: http://vk.com/@feminism_visually-zhenschina-ne-dolzhna-govorit-net-kak-obschestvo-zapreshaet.

Zherebkina I. Roman s isteriei: ot feministского postlakanovskogo psikhoanaliza k novym issledovaniyam isterii [An Affair with Hysteria: From Feminist Post-Lacanian Psychoanalysis to New Studies of Hysteria]. *Stasis*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 14–38.